

*Маме, наполнившей
мою жизнь историями,
и Бабу, который подарил мне
нужные слова,
чтобы их рассказать*

ДВОР ЧУДЕС

ГИЛЬДИЯ УДАЧИ
ФОРТУНА БЛАГОВОЛИТ НЕГОДЯЮ

Окан Малони,
барон гильдии

ГИЛЬДИЯ ПОПРОШАЕК
ЛЕГИОН ПРИЗРАКОВ

Орсо (Мертвый барон),
барон гильдии

ГИЛЬДИЯ УБИЙЦ
ВЕЧНЫЙ СОН

Шарлотта Кордей,
баронесса гильдии

ГИЛЬДИЯ НАЕМНИКОВ
КУСАЕТСЯ ЛИ БЕШАНАЯ СОБАКА?

Рим Темам,
барон гильдии

ГИЛЬДИЯ
КОНТРАБАНДИСТОВ
МАТУШКА СЕНА, БРАТЕЦ КРЫСА

Нихуан,
баронесса гильдии

ГИЛЬДИЯ
ХРАНИТЕЛЕЙ ЗНАНИЙ

ИСТИНА В ЧЕРНИЛАХ

Гайятри Комаид,
баронесса гильдии

ГИЛЬДИЯ ВОРОВ
БЕРИ, ЧТО ПОЖЕЛАЕШЬ

Томасис Ваню,
барон гильдии

ГИЛЬДИЯ ПЛОТИ

ПЛОТЬ В ЦЕПЯХ

Каплан Ленуар,
барон гильдии

ГИЛЬДИЯ МЕЧТАТЕЛЕЙ

МЕЧТАЕМ О МЕЧТЕ

Адлен Йельс,
барон гильдии

ЗАКОНЫ ДВОРА ЧУДЕС

ВОТ ЗАКОНЫ ДВОРА ЧУДЕС,
ДРЕВНИЕ И ИСТИННЫЕ, КАК НЕБО;
ПУСТЬ ПРОЦВЕТАЮТ ВСЕ ОТВЕРЖЕННЫЕ,
СОБЛЮДАЮЩИЕ ИХ,
И УМРУТ ТЕ, КТО ОСМЕЛИТСЯ
ИХ НАРУШИТЬ.

Все Отверженные равны
перед законом Двора чудес — здесь не признаются
ни кровь, ни раса, ни религия,
ни звание, ни имя.

Все Отверженные свободны — при Дворе чудес
запрещено рабство.

Барон и баронесса гильдии — это ее отец и мать.
Их слово — закон для всей гильдии.

Держитесь своей гильдии, чтобы получать
защиту и помощь.

Предводители гильдий вступают
в переговоры, когда благополучие гильдии
или всего Двора чудес под угрозой.

Нападения на членов другой гильдии
рассматриваются как военные действия.

Если ваши действия ставят под угрозу
благополучие Двора чудес, барон вашей гильдии
должен принять необходимые меры, чтобы
обезопасить Двор.

Чада Двора чудес находятся под защитой,
во-первых, барона своей гильдии, а во-вторых,
самого Двора.

День — это время врагов Двора,
Тех-кто-ходит-днем, знати и жандармов.
Чадам Двора чудес лучше всего
работать ночью.

Для того чтобы войти в Дома других гильдий,
необходимо разрешение.

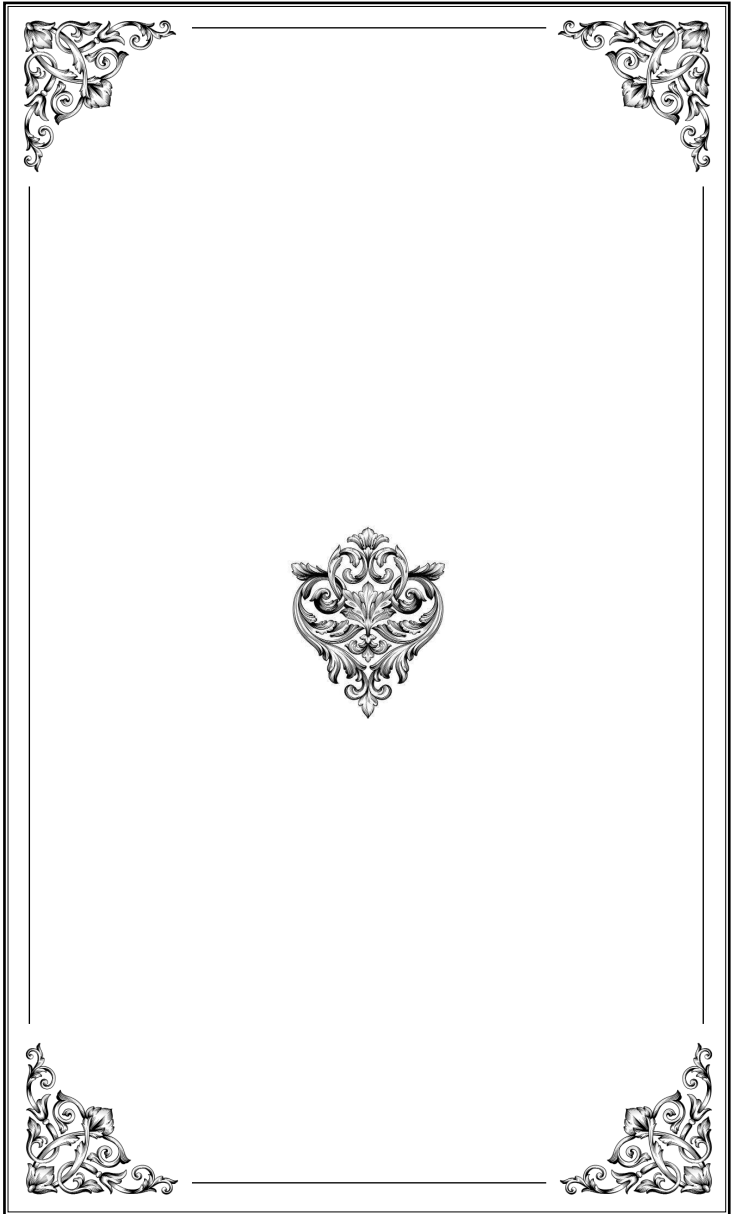
Совершайте преступления ради выживания,
процветания и пользы гильдии, но не ради
удовольствия.

Все люди могут делить свою добычу
только после того, как подходящая доля
отдана барону гильдии.

Не забывайте о самых слабых среди вас;
гильдия должна обеспечивать всех своих чад.

Соблюдайте законы, иначе вас ждет
неизбежное и скорое наказание.

ЧАСТЬ I

КАК ПРИШЕЛ
СТРАХ

1823

Он услышал крик, неслыханный с недоброго времени... Это неприятный визг... выражение ненависти, торжества, страха, отчаяния... Он то усиливался, то затихал, колебался, вздрагивая далеко за рекой.

*Книга Джунглей**

* Перевод Е. Чистяковой-Вэр.

ОСНОВАНИЕ ДВОРА ЧУДЕС

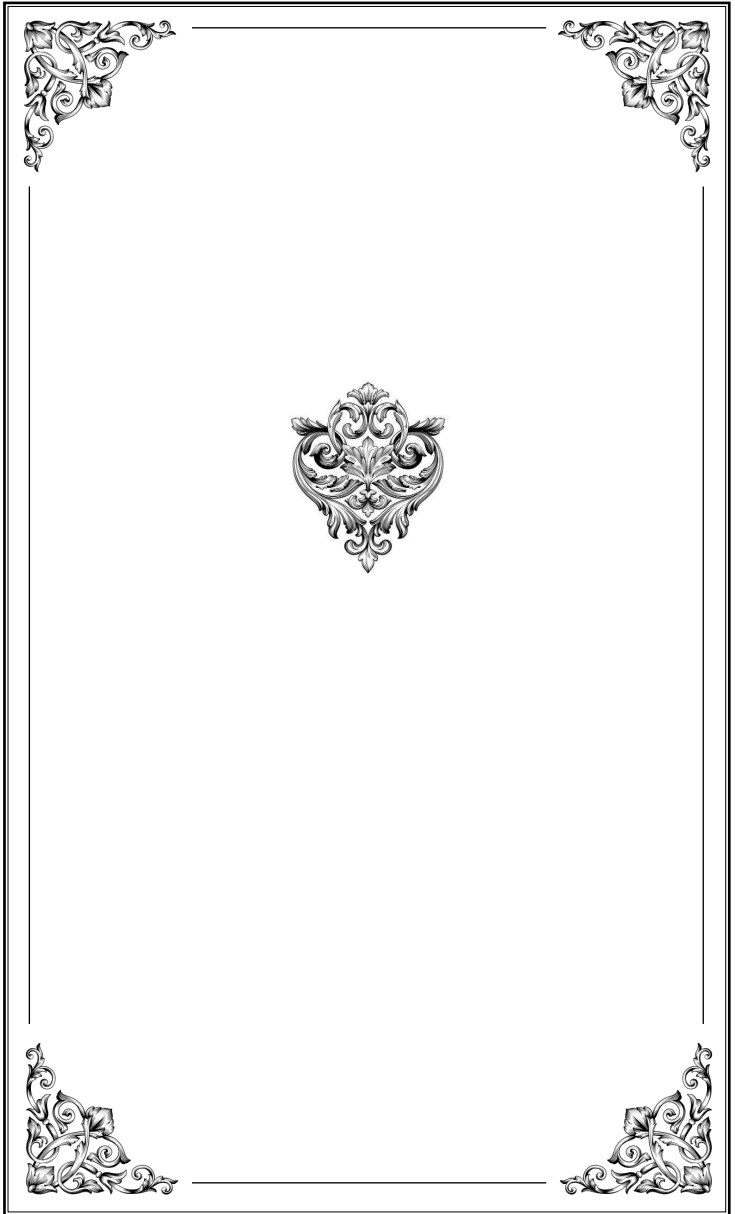
Из «Истории Парижа», написанной
Мертвым бароном

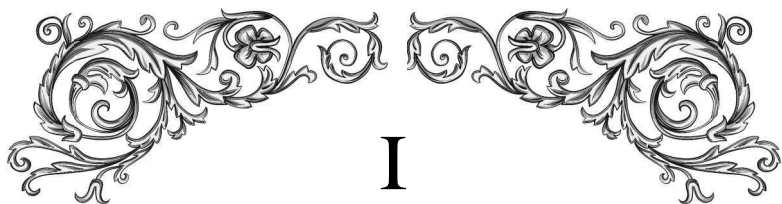
«В 1160 году Изенгрим Вепрь был назначен старшим прево Парижа. В его задачи входило поддерживать порядок на улицах Парижа, которые тогда были местом темным и неподвластным закону. Он начал жестокие нападения на самые бедные районы города, на приюты попрошаек, воров и бездомных, убивая или сажая в тюрьму всех, кто встречался ему на пути. Люди, спасшиеся после таких нападений, больше не могли никому доверять, потому что Изенгрим повсюду запустил своих шпионов из числа продажных служак.

Чтобы защитить себя, Отверженные нашего города создали девять гильдий: Воры, Попрошайки, Убийцы, Игроки, Наемники, Контрабандисты, Проститутки, Опιοфаги и Хранители знаний. Бароны всех гильдий собрались, чтобы создать Двор чудес, подобный братству, связанный законами, которые они написали.

Среди Отверженных города были ломбардцы, корсиканцы, мавры, африканцы, магрибы, моголы, цыгане, китайцы, евреи, османы, японцы, а кроме того, прокаженные, калеки, больные, старые и те, кого обвиняли в колдовстве. Их презирали и от них отказывались прево, король и вся страна. Но всем им были рады в приюте Двора чудес, под крышей которого все равны и свободны».

LE DÉBUT DE L'HISTOIRE НАЧАЛО ИСТОРИИ

Голод. Невыносимый голод, пожирающий изнутри, заставляющий покорно ждать Вечной Смерти, которая неизменно приходит за всеми.

Время перед рассветом, тишина и темнота вокруг. Тела умерших от голода ночью выложили на мостовую; утром их соберут повозки. У мертвецов широко открыты глаза, но они ничего не видят, ничего не слышат, ничего не чувствуют и ничего не боятся. Они напоминают мне мою сестру, Азельму.

Азельма, которая никогда не плачет, проплакала два дня подряд. Она не могла ни есть, ни спать. Я испробовала все, даже сказала, что сейчас придет отец, вечно пьяный и всегда злой. Но она и тогда не двинулась с места, она ничего не слышала, ничего не чувствовала и ничего не боялась.

Наконец, она перестала плакать. Последние несколько часов она пролежала на кровати, глядя куда-то вдаль. Не отвечала на мои вопросы и даже не смотрела на меня. Кажется, уж лучше бы плакала.

Раньше Азельма будила меня, шепча на ухо: «Viens, ma petite chatonne»*, я прижималась к ней, чтобы согреться, а потом она расчесывала меня и помогала одеться.

Сейчас я без нее выбираюсь из кровати и переодеваюсь, дрожа от холода: натягиваю платье, которое уже становится мне коротковато. Наскоро расчесываю волосы щеткой и заплетаю кривую косичку. Мочу лицо ледяной водой, которую наливаю из тяжелого фарфорового кувшина, потом оглядываюсь на нее. Она лежит на боку: глаза открыты, но она ничего не видит.

В это время на постоялом дворе тихо. С минуты я колеблюсь, но она не шевелится, поэтому я иду вниз, хватаю ведро и снимаю с крючка у двери шаль. Это шаль Азельмы, для меня она слишком большая, но идти до колодца далеко, а на улице холодно. Не люблю ходить одна в темноте, но нужно.

На улице от ледяного ветра у меня сразу перехватывает дыхание. Я спешу к колодцу, стараясь не смотреть на тела, лежащие по обочинам. Дойдя до колодца, опускаю в него ведро, а наверх вытягиваю полное, тяжелое; ручка впивается в мои онемевшие от холода пальцы.

Обратная дорога мучительна. Я осторожно продвигаюсь вперед, при каждом выдохе изо рта вырывается облачко пара. При каждом выдохе я думаю о сестре, и страх пожирает меня изнутри.

Добравшись до постоялого двора, я дрожащими руками опускаю на пол ведро и облегченно вздыхаю. Наливаю немного воды в кастрюльку и ставлю на огонь, потом оглядываюсь по сторонам. Нужно

* Вставай, мой котенок (*фр.*)

вымыть пол, хотя как ни мой, из него никогда не выветривается запах пролитого вина; в тусклом свете видно, что комната завалена грязными тарелками, кувшинами и пивными кружками — без уборки не обойтись.

Я вытерла сотни тарелок, пока Азельма брызгала в меня мыльной пеной. Я уворачивалась и ныла, а она морщила нос и отвечала: «Котята ненавидят воду».

Вздохнув, я решаю начать с пола. Швабра слишком для меня тяжелая, и уставшие руки болят еще сильнее, но я с усилием двигаю ее вперед-назад. Может быть, если смогу смыть эти грязные пятна, заодно избавлюсь и от тошноты, поднимающейся откуда-то из желудка.

Сестра, сестра...

Прошлой ночью отец ничего не сказал, когда Азельма не вышла из комнаты третий раз подряд. Он будто забыл о ее существовании — что-то мычал себе под нос, весело постукивая большими пальцами по столу. Даже бросил мне кусок теплой булочки, и это было настолько на него не похоже, что я не смогла заставить себя ее съесть. Кажется, в городе нет муки даже для того, чтобы испечь хлеб, не говоря уже о булочках, так что я понятия не имею, откуда он ее взял. Мой отец — Вор; в своей жизни он украл множество дорогих украшений и кошельков с золотом, гораздо более ценных, чем этот кусочек теста. Но какой толк в золоте и украшениях во время голода?

В животе все сжалось и заняло от запаха выпечки, но страх, поселившийся глубоко в костях, был гораздо сильнее голода, поэтому я отнесла хлеб Азельме, и теперь он черствеет на выщербленном блюдецке у ее кровати.

От мытья пола у меня покраснели руки, над бровями собираются капельки пота, но я все еще дрожу. Раз Азельма не ест, значит, скоро она будет лежать вместе с теми телами на улице в ожидании повозки, которая собирает их по утрам. Но у нее нет жара, я проверяла. С ней происходит что-то другое, что-то ужасное. И это еще хуже, ведь сейчас я ничего не могу сделать, чтобы исцелить ее. Чувствую себя котенком, как меня обычно и называет Азельма: маленькой, хрупкой, с лапками, которым не устоять под сильным, ледяным ветром.

Я слышу какой-то звук на верхней ступеньке и поворачиваюсь: там стоит Азельма — одетая, причесанная, и смотрит прямо на меня. Я должна бы ощутить облегчение, но от ее выражения лица мне становится не по себе.

— Я здесь закончу, — говорит она бесцветным голосом. — Ты должна найти Феми.

Я должна быть рада тому, что можно больше не мыть пол, но вместо этого только сильнее сжимаю в руках швабру и хмурюсь. Почему это я должна найти Феми Ваню, того, кого все называют Посланником? Он приходит и уходит когда ему вздумается и вечно шепчет что-то отцу на ухо. Бормочет что-то Азельме, от чего она смеется. Но еще не рассвело, и постоянный двор совсем пуст; отец храпит у себя в кровати. Почему я сейчас должна привести сюда Феми? Почему мы не можем закончить уборку вместе, как обычно?

Азельма спускается по лестнице и забирает у меня швабру. Сестра всегда очень хорошо говорит, и голос у нее сладкий как мед. Посетители любят ее за это, а еще за то, что она симпатичная и добрая. Но сейчас, хотя она и говорит спокойно, ее слова впиваются в меня как ножи.